

3. Kristeva, Julia. «Word, Dialogue, and Novel.» *Desire and Language*. Ed. Leon S. Roudiez. Trans. Thomas Gora et al. New York: Columbia UP, 1980, 66. Cited from *Intertextuality* // <http://jefferson.village.virginia.edu/elab/hf10278.html>

4. Гальперин И.Р. *Очерки по стилистике английского языка*. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958.

5. Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука, 1987.

6. Михайлова Е.В. *О межтекстовых связях, интертекстуальной ситуации и текстовом симбиозе // Языковая личность: Социолингвистические и эмотивные аспекты*, Волгоград - Саратов: Перемена, 1998.

7. Слышкин Г.Г. *Апелляция к прецедентным текстам в дискурсе // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты*. Волгоград - Саратов: Перемена, 1998.

8. Супрун А.Е. *Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания*. 1995, №6.

Источники материала

1. P.G.Wodehouse *Mulliner Nights*, Penguin Books, 1981.

2. P.G.Wodehouse *Heavy Weather*, Penguin Books, 1978.

3. Cosby, *Bill Time Flies*, Benton Books, 1987.

Н.К.Данилова

Самарский государственный университет

СИСТЕМА ОРИЕНТАЦИИ В НАРРАТИВНОМ ТЕКСТЕ

Выполнение в речевой деятельности сложнейших операций «связывания», установления функциональной целостности мира сознания, единства внутреннего и внешнего мира, создает основу коммуникации. Говорить, по мнению О.Розенштока-Хюсси, значит интегрировать мир [1]. Весь процесс познания и самопознания человека разворачивается как интеллектуальный синтез, смысл которого состоит в формировании мира в нашем сознании, представляющего собой рефлексивное соответствие миру в обществе. Суть существования, *sine qua non* обмена, роста, индивидуализации, всей человеческой жизни, состоит в разграничении внутреннего и внешнего про-

странства, в различии между внутренней системой и внешней средой. Существование внутреннего и внешнего пространства, согласно О.Розенштоку-Хюсси, есть причина и условие существования речи.

Интеллектуального синтез в речи совершается в определенных условиях, наиболее необходимыми из которых является пространственно-временная идентификация описываемых событий. Человек, говоря, устанавливает постоянную систему координат во времени и пространстве. В этой новой пространственно-временной системе отдаленные друг от друга события тесно связываются между собой, проходя через человеческое сознание и обретая единство на практике. Говорение, по мнению О.Розенштока-Хюсси, касается всегда времени и пространства, в отсутствие речи эти феномены не могут получить интерпретацию [1, 24]. Сотворение пространства и времени совершается в каждом акте речи и местом этого акта становится коммуникативная ситуация. Четыре речевые ориентации в действительности имеют временные и пространственные измерения - ориентация по отношению к будущему и прошлому во времени и ориентация по отношению в внутреннему и внешнему миру в пространстве. Роль речи в этом процессе необыкновенно велика, именно речь создает внутреннее и внешнее пространство («Я», «Он»), так же как она создает время, устремленное назад и вперед («Я», «Ты»). В этой двойственности речь снимает напряжение внутри этих перекрещивающихся оппозиций.

Функциональные среды, в формировании которых принимает участие язык, внешняя и внутренняя, получают, в соответствии с нашей гипотезой, выражение в комплексных структурах, обслуживающих системные процессы. Исследование функциональных подсистем дискурса целесообразно начать с коммуникативной подсистемы. В последующем изложении рассуждение касается нарративного дискурса, поэтому представляется необходимым отметить факт существования уровней в организации дискурса этого вида.

А.Прието различает структуру, находящую объяснение в себе самой (нарративный субъект и формальное отношение между персонажами), и форму, значение которой опирается на элементы за пределами романа и которая возникает из семантического ядра, точки соединения субъективной и объективной структур [2, 410]. Структура обладает свойством динамизма и проявляет себя как необходимость пространственно-временных рамок для нарративного субъекта. Потери и приобретения нарративного субъекта влекут за собой изменения, согласно свойству трансформации, характерному для

всякой структуры. (Я - система ориентации (субъект) —> нарративная структура, отражающая объективное положение дел). Результатом помещения субъекта в структуру с вытекающим из этого подчинением и превращением самого субъекта в структурный элемент является форма (результат соединения субъекта и структуры), дающая возможность измерить расстояние между порождающим смыслом и тем смыслом, который порождает структура [2, 413]. Разделение нарративного (структура) и дискурсивного (форма) уровней необходимо для понимания дискурсивного механизма, действием которого создается нарративный текст.

Основное внимание в настоящем исследовании уделено области коммуникативных смыслов, которая в последующем будет именоваться коммуникативной моделью. Определяющее положение коммуникативной модели в дискурсе объясняется необходимостью системы ориентации для создающего высказывание субъекта, что определяет возможность отнесения системы ориентации к дискурсивному уровню. Исключительное внимание к коммуникативным смыслам объясняется их принадлежностью к системе координат речи, которую К.Бюлер назвал *Origo-System* [3]. В становлении дискурса уровень, на котором вводится коммуникативная ситуация, следует признать основным из-за ее исключительной роли для сети внутренних и внешних референций, составляющих архитектуру дискурса как системы.

Интериоризация опыта, присвоение отраженного мира совершается посредством проникнутого субъективностью языка. Референционная отнесенность дейксиса к речевой деятельности как таковой составляет самую суть дейксиса, средства создания «поля говорящего». Э.Бенвенист определяет содержание этой категории как способность говорящего представить себя в качестве субъекта [4, 293]. Субъективность относится к классу психологических категорий, речь идет об особом психическом единстве, трансцендентном по отношению к совокупности полученного опыта, связанного этим единством и обеспечивающего постоянство сознания [4, 294].

В соответствии с принципом диалогичности, развиваемым Э.Бенвенистом, язык возможен только потому, что каждый говорящий способен представить себя в качестве субъекта, указывающего на себя как на «Я» в своей речи и в силу этой способности язык может конституировать другое, внешнее по отношению к говорящему лицо, к которому говорящий обращается на «Ты». Полярность лиц образует в языке основное условие протекания коммуникации, но она не означает ни равенства, ни симметрии, «Я» всегда занимает транс-

цендентное положение по отношению к другому полюсу коммуникации. Причиной этого становится принадлежность полюсов коммуникации разным функциональным сферам, внутри этого отношения действует оппозиция «внешнее – внутреннее», так «Ты»-полюс образует внешний по отношению к «Я»-полюсу элемент. Оба полюса коммуникации находятся в отношении взаимодополнительности и одновременно в отношении взаимобратимости, что создает ситуацию уникальности этих связей [4, 294].

Языковое основание категории субъективности, ее двойственная сущность проявляется в исключительной референции личных местоимений, реализующих эту категорию в потоке речи. Важнейшей особенностью референции дейксиса, в особенности личного дейксиса, является «текущая референция», реальность, с которой соотносится знак, есть реальность речи, знак «Я» относится только к говорящему субъекту. Личные местоимения не соотносимы ни с понятием, ни с индивидом, «Я» может быть идентифицировано только в единовременном акте речи, знак «Я» аутореферентен, обращен к самому себе. Высказывание, содержащее «Я», обладает прагматическим модусом, который, как замечает Э.Бенвенист, включает в процесс использования знака тех, кто ими пользуется (4, 286). В процессе использования этих знаков совмещаются два единовременных акта, акт производства формы «Я» и содержащий это «Я» речевой акт, представляющий собой по отношению к реферирующему «Я» реферируемое. Определение, данное Э.Бенвенистом обоим полюсам коммуникации, выглядит следующим образом: «Я» - это индивид, который производит данный речевой акт, содержащий акт производства формы «я», «Ты» - индивид, к которому обращаются в данном речевом акте, содержащем акт производства языковой формы «ты». Через указание на прагматический модус личных местоимений Э.Бенвенист выявляет способность этих знаков организовывать внутреннее пространство говорящего, о котором сообщается только факт существования в определенном времени и пространстве. Внутри системы средств, описывающих коммуникативную ситуацию, действуют отношения двойной детерминации - все эти средства определяются только по отношению к единовременному акту речи и все они находятся в зависимости от «Я», высказывающегося в данном акте [Бенвенист, 296].

В определении дейктических слов доминируют представления об актуальности референции и референционной «пустоте» этих знаков. Оба качества связаны с преобладанием в знаковой ситуации использования этих знаков индексального способа означивания. Дейкти-

ческие языковые средства представляют собой знаки-индексы, действие которых, в соответствии с классификацией, предложенной Ч.Пирсом, основано на фактически, реально существующей смежности означающего и означаемого. Своеобразие знаков-индексов заключается в способе соотнесенности означаемого и означающего, который в индексах носит характер вербального жеста, непосредственного прямого указания. Индексальные знаки могут быть ауто-референтными, т.е. содержать отсылку к самим себе, подобно личным местоимениям, или указывать на область референции того или иного объекта способом создания «фокусного интервала», характеристикой которого служит выделенная актуальность в потоке речи [5, 182]. Референционная «пустота» знаков-индексов связана с бесконечно большим объемом значения, который эти знаки способны иметь. Язык, считает Э.Бенвенист, создал серию «пустых» знаков, свободных от референтной соотнесенности с реальностью, всегда готовых к употреблению и становящихся «полными» знаками, как только говорящий принимает их для себя, вводя в протекающий акт речи [4, 288].

Оценка референтной соотнесенности дейксиса, таким образом, демонстрирует совершенно полярные точки зрения, от представления референции дейксиса как точечного (актуальный акт высказывания) до бесконечного («пустые» знаки), в интервале может быть помещено представление о предназначении и референции дейксиса, предлагаемое О.Розенштоком-Хюсси. В двух пересекающихся процессах - пространственно ориентированном, содержащем внутреннее пространство субъекта и внешнее объективное пространство, и временно ориентированном, содержащем течение времени от прошлого к будущему, - дейктические указания «Здесь» и «Теперь» оказываются в центральной позиции: «Здесь» находится на линии движения из внутреннего пространства во внешнее, «Теперь» помещается в промежутке между началом и концом события [1, 56].

Благодаря выходу за рамки речевой деятельности в определении дейксиса появляется необходимая содержательность, позволяющая увидеть в более полном объеме функциональную характеристику дейксиса. Система ориентации, по своей структуре представляющая собой единство трех координат «Я» - «Здесь» - «Сейчас» (с потенциальным участником, внешним полюсом коммуникации «Ты»), образует функциональное единство, предназначением которого является, с одной стороны, введение точки референции и ограничение тем самым области возможных миров, а следовательно, и отграничение референционного пространства текста (термин Ю.С.Степанова)

и обозначение точки отсчета, с другой стороны, или границы между двумя соотносительными сферами, внутренним пространством сознания и внешним пространством событий. Функциональная характеристика субъективного дейксиса складывается из этих двух основных функций. Существование в языке и активная функциональная роль в речи подобной системы ориентации дает возможность выделить данную функциональную подсистему в отдельную структуру. Коммуникативная модель образует систему ориентации в речи, призванную ввести точки референции или границы референционного пространства, внутри которых осуществляется референция знаков с символической функцией и обозначить переход от внутреннего пространства субъекта к внешнему объективному пространству (внешнему по отношению к субъекту речи).

Выделение самостоятельной области коммуникативных смыслов, связанных с ориентацией речи, представляется совершенно необходимым приемом для того, чтобы сформировать другую область языковой семантики, которую в противоположность только что названной определим как ситуационную модель дискурса. Она соотносена с другой функциональной средой, определяющей в основных параметрах речевую деятельность и, в свою очередь, определяемой речью - внешний мир. Отличие ситуационной и коммуникативной модели состоит в характере вводимой в акт высказывания информации, в коммуникативной модели отчетливо выделен источник сообщения и сам факт существования подобного источника оказывается в фокусе сообщения, в то время как ситуационная модель обходится без указания на источник и привносит в акт общения главным образом информацию, кажущуюся вполне объективной [7, 396]. Структура коммуникативной модели бинарна и вместе с тем свернута до точки, границы между внутренним и внешним пространством. Ситуационная модель принимает различные формы, отличаясь от коммуникативной объективностью всех трех названных смыслов: лица (референт, 3-е лицо), места (идеографическое пространство) и времени (идеографическое время). Ситуационные смыслы в речи создаются приемом двойного отрицания отношения [1, 107], отнятого у говорящего и слушающего. Коммуникативная и ситуационная модель обладают достаточной автономностью, с одной стороны, имея свою самостоятельную область смыслов и средства их выражения и, с другой стороны, образуют условия существования друг, вступая друг с другом в тесные функциональные связи. Коммуникативная модель содержит кроме дейксиса ряд средств, относящихся к классу языко-

вых единиц, названных К.Бюлером средствами оперативного регулирования речи.

Предлагаемое нами разграничение коммуникативных, ситуационных смыслов внутри текста и выделение этих смыслов и средств, их выражающих, в самостоятельные функциональные подсистемы, рассматриваемые нами как относительно автономные модели, позволяет уточнить функциональную специфику местоимений. Местоимение образует особый класс слов, истинное предназначение которого раскрывается только в речи. Данный класс слов в дискурсивных исследованиях рассматривается как категория, определяющая специфику речи и делающая ее вообще возможной.

В актуальном нарративном тексте выделенные объективные (ситуативные) и коммуникативные смыслы находятся в постоянном чередовании и взаимодействии. Можно попытаться представить себе эту игру смыслов, если выделить различные механизмы дискурсии, связанные с отдельными группами смыслов. В тексте рассказа Г.Гессе «*ROTES HAUS*» модусы изложения и система ориентации вовлечены в процесс формирования символа, что позволяет выделить основные моменты синтеза и основные параметры вторичного семиозиса.

Текст начального фрагмента вводит центральную тему рассказа: «*Rotes Haus, aus deinem kleinen Garten und Weinberg duftet mir der ganze Alpensüden! Mehrmals bin ich an dir vorbeigegangen, und schon beim ersten Mal hat meine Wanderlust sich zuckend ihres Gegenpols erinnert, und wieder einmal spiele ich mit den alten, oft gespielten Melodien: Heimathaben, ein kleines Haus im grünen Garten, Stille ringsum, weiter unten das Dorf. Im Stübchen nach Morgen hin stünde mein Bett, mein eigenes Bett, im Stübchen nach Süden mein Tisch, und dort würde ich auch die kleine alte Madonna aufhängen, die ich einmal, in früheren Reisezeiten, in Brescia gekauft habe* [8, 125]. Объектная составляющая текста дана через перцептивный образ, через качественные и количественные данные о реальном или предполагаемом доме, внешнее и внутреннее описание тех свойств, которые позволяют ему стать символом Родины. Постепенное накопление характеристик «красный дом», «дом с маленьким садом и виноградником», «маленький дом в зеленом саду», «в комнатке на восточной стороне», «в комнатке на южной стороне» создает полноту идентификации объекта, необходимую для второй ступени семиозиса, на которой все названные свойства становятся содержанием иного, художественного знака-символа «*Heimathaben*». Процесс идентификации открывается именной группой «*Rotes Haus*», нулевой артикль в которой выступает как признак особенного употреб-

ления, вводя средний уровень обобщения и соотнося наименование с прототипом.

Окончательная идентификация объекта осуществляется через введение фокусных интервалов, границы которых обозначены чередованием модусов интенциональности в системе ориентации автора-рассказчика. В названном фрагменте модус восприятия «Rotes Haus, aus deinem kleinen Garten und Weinberg duftet mir der ganze Alpensüden!» сменяется модусом воспоминания «Mehrere Male bin ich an dir vorbeigegangen, und schon beim ersten Mal hat meine Wanderlust sich zuckend ihres Gegenpols erinnert», переходя в дальнейшем изложении в модус воображения «Im Stübchen nach Morgen hin stünde mein Bett, mein eigenes Bett, im Stübchen nach Süden mein Tisch, und dort würde ich auch die kleine alte Madonna aufhängen».

Система ориентации сохраняет свое единство, ориентацию на субъект, реализованную с помощью притяжательных местоимений (mein Bett, mein eigenes Bett, mein Tisch), изменяется лишь модус изложения, позволяя вместить в единый фрагмент три возможных состояния объекта, реальное, свойственное памяти, и предполагаемое, виртуальное. Активные дискурсивные процессы в описываемом фрагменте совершаются в плоскости «прототипический перцептивный образ» «индивидуальная ситуационная модель». Динамическим моментом, моментом деятельности в описываемой ситуации становится феноменологический смысл, принадлежащий сознанию субъекта, в то время как онтологическая составляющая описываемого возможного мира представлена в качестве прототипического (собирательного) образа.

Референция к особенному оказывается возможной благодаря координационным схемам, составляющим основу модели ситуации, в которую помещен референт. Абсолютное пространственное указание «im Alpensüden», создающее возможность поместить изображенный объект в область, общую для опыта реципиента и отправителя информации, несет в себе интерсубъективную информацию и характеризует предметную область изложения (ситуационную модель). Созданная в дискурсе на основе координационных схем контекстуальная рамка взаимодействует с развернутым субъективным указанием, включенным в систему ориентации с актуализованным полюсом «Ты». «Rotes Haus im Grünen! Ich habe dich schon erlebt, ich darf dich nicht nochmals erleben wollen. Ich habe schon einmal Heimat gehabt, habe ein Haus gebaut, habe Wand und Dach gemessen, Wege im Garten gezogen und eigene Wände mit eigenen Bildern behängt. < > Ich wollte

ein Haus bauen und baute mir eins.» Символическое значение прототипического образа сменяется конкретной референцией, связанной с индивидуальным переживанием субъекта речи (рассказчика). Ситуативные и коммуникативные смыслы, различающиеся в начальных фрагментах дискурса, вновь сближаются и становятся частью индивидуального опыта, обогащенного социально значимым переживанием, оба процесса во взаимно обусловленном движении формируют семантический мир рассказа. Расхождение и сближение смыслов совершается внутри единой системы ориентации, направляющей это взаимодействие.

Литература

1. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 1994.
2. Прието А. Из книги «Морфология романа». Нарративное произведение / Семиотика. Том 2. Б: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 1998. С.397-427
3. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 2000.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Б: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 1998.
5. Пирс Ч. С. Из работы «Элементы логики» / Семиотика. М.: Радуга, 1983. С.151-211.
6. Кошелев А.Д. Референциальный подход к анализу языковых значений / Спорное в лингвистике. Вып.1. М.: Языки русской культуры, 1996. С.85-202.
7. Якобсон Р. Избранные работы по лингвистике. Б: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 1998.
8. Hesse, Hermann. Wanderung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984.

Кучумова Г.В.

Самарский государственный университет

РОМАН К.М.ВИЛАНДА «ПЕРЕГРИН ПРОТЕЙ» КАК РОМАНТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Роман «Пereгрин Протей» («Peregrinus Proteus», 1789) немецкого просветителя Кристофа Мартина Виланда (1733-1813) по праву считается самым ярким в немецкой литературе конца XVIII века. Виланд-просветитель ставит здесь совершенно иные задачи, чем Гете в своей дилогии о Вильгельме Мейстере. Развитие, «воспитание» глав-